

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В статье систематизированы основные теории и концепции, методологические подходы и методологические принципы, которые, по мнению автора, следует использовать при исследовании партийной системы России. При этом в число концепций и теорий вошли как теоретические разработки известных партологов, таких как Токвиль, Блюнчли, Ф. и Т. Ромеры, Острогорский, Дюверже, Липсет и Роккан, так и собственные теоретические разработки автора.

Ключевые слова: теории и концепции партий и партийных систем, методологические подходы к исследованию партий и партийных систем, методологические принципы, структура партийных систем, функционирование партий и партийных систем, исследование партийной системы России.

Зарождению, становлению и функционированию политических партий и партийной системы России посвящено немало работ как отечественных, так и зарубежных социальных философов, историков, социологов, психологов и политологов, т. е. партологов. Все их можно разделить на пять следующих групп:

1) философские работы, заключающиеся в исследовании политических идей, учений, теорий, вообще истории политической мысли. Задача, которую решали философы — исследователи партий, заключалась в анализе политических идеологий, из которых формировались идеологии конкретных политических партий. Философские работы партологов были призваны объяснить, почему и как, из каких идей формируются политические идеологии, как партийными идеологами создаются программы партий и почему одни партийные идеи получают преимущество над другими, почему доминирующие партии теснят, а то и уничтожают своих соперниц в идеологической борьбе;

2) исторические работы, главной целью которых были поиск и анализ исторических документов, а также определение на их основе так называемого исторического пути партии, т. е. хронологического ряда событий от появления идеи партии, от создания инициативной группы по подготовке учредительной конференции или от первого съезда партии (варианты зависят от философской и социально-политической позиции как исследователей, так и самих учредителей) до естественной смерти в результате самороспуска или искусственной смерти в результате запрета партии государственными органами, преследования ее членов, а то и их физического уничтожения. Историки партий, как правило, методично и скрупулезно прорабатывают исторические источники, подтверждая или опровергая выдвинутые теории, находят немало новых идей и фактов,

говорящих о путях зарождения партий, о формировании их идеологий и организационных структур, об участии партий в выборах и в парламентской деятельности, о противостоянии и коалиционной политике партий. «Прослеживая» фактуру *исторического процесса* под углом зрения формирования отдельных партий и партийной борьбы в целом, они создают основу *партийно-политического процесса*, предоставляя политологам, воспользовавшись плодами их труда, но применяя собственные методы исследования, выдвигать концепции *функционирования партийно-политической системы* общества;

3) социологические и психолого-социологические работы, посвященные анализу социальной структуры общества, социальной базы и социального состава партий или исследованию организационной структуры, социальных статусов членов партии или созданию психологических портретов лидеров, выдающихся деятелей партий. Для социологов и психологов партий исторический путь партии намного менее важен, чем ее конкретные *социально-организационные черты*, чем *психологические установки* ее членов, *психологические характеристики* ее парламентских представителей, влияющие на политическую деятельность, *политическое поведение* партии, ее лидеров, членов, избирателей. У социологов и психологов партий политологи заимствуют их подход, получивший название «бихевиоризм»¹, а также используют плоды их трудов для создания полной картины партийного генезиса, для описания очень важных деталей партийно-политического процесса, для уточнения политических поз, позиций действующих лиц в той или иной картине, в том или иной кадре партийно-исторической киноплёнки;

4) социально-экономические работы, ставящие во главу угла функционирование экономики и социальной сферы, в которую погружена партийно-политическая система. Социальная среда, по мнению авторов, придерживающихся такого подхода, и определяет в конечном счете победу или поражение партий на выборах, успешность или неуспешность правления тех или иных правительств и вообще весь партийно-политический процесс. Социальная среда, в свою очередь, детерминирована развитием экономики;

5) политологические работы, главная задача которых — изучение не исторического процесса и исторического пути партий, а *генезиса* партий, т. е. исследование не хронологической фактуры, а зарождения и развития их идеологии и организации. Для политологов не так важно сохранить историческую последовательность развития партий, как отметить все более или менее существенные изменения в их идеологическом, организационном развитии и политическом поведении. Другими словами, если историку партий важен поиск каждой даты для уточнения исторического пути партии, то политологу более важно, сколько парламентских мест завоевала партия на последних выборах, чем уточнение даты ее первого съезда. От социологов и психологов партий, для которых характерна сосредоточенность на внутрипартийных отношениях и поведении руко-

¹ Бихевиоризм как научный метод исследования поведения людей и социальных групп действительно был создан социологами, психологами и социальными психологами Чикагской школы, но, будучи творчески переработан политологами, получил название «бихевиорализм».

водителей партий, исходя из их психологических характеристик, т. е. на деталях партийно-политического процесса, политологов отличает стремление познать общую картину движения, дать обобщающие характеристики как отдельным партиям, так и всей партийной системе.

Как известно, в реальной жизни редко что-либо встречается в чистом виде. Чаще всего исследователи партий пользуются несколькими подходами, поэтому и работы несут на себе следы применения различных методологий. Вместе с тем разные подходы к исследованию партий реально существуют (подробнее см.: Исаев, 2008, с.45–59).

Итак, главным отличием разных подходов партологии (философского, исторического, социально-психологического, социально-экономического, политического и др.) выступает *объект исследования*, т. е. та окружающая среда, в которую, по мнению той или иной группы исследователей, «погружены» политические партии, как предмет исследования, а именно: политические идеологии, исторический процесс, социальная структура или экономика общества или политическая система и политический процесс.

Вторым важным отличием исследовательской деятельности историков, экономо-социологов, психологов и политологов партий, как мы выяснили, выступают *методы исследования*.

Вместе с тем всех партологов (и философов, и историков, и экономо-социологов, и психологов, и политологов) объединяет и роднит общий *предмет исследования* — политические партии и партийная система.

Наша методология исследования партийно-политической системы России базируется на комплексном *историко-политологическом и социально-экономическом подходе*. Мы полагаем, что взаимоотношения между партиями и между партийной системой и ее окружением в большой степени определяются историей общества вообще и политическим процессом в частности, что эти взаимоотношения (в том числе результаты выборов, результаты правления победившей партии) детерминируются также состоянием экономики и развитием социальной сферы.

С позиций *макроанализа*, т. е. с точки зрения исследования окружения партий и партийной системы, мы считаем главным уточнение исторического пути, пройденного страной, смену исторических эпох и политических систем и достигаемое ими (эпохами и системами) социально-экономическое положение общества в целом и его отдельных социальных слоев — избирателей партий.

С позиций *микроанализа*, т. е. с точки зрения изучения конкретного партийно-политического генезиса, мы считаем главным исследование формирования и трансформации политических институтов и политической системы, зарождения партий и функционирования как партийно-политической системы в целом, так и отдельных ее звеньев — политических партий.

Ближайшим окружением *партийной системы* для политологов выступает *политическая система*. Более того, трудно представить функционирование партийной системы без влияния на нее всех политических институтов, составляющих политическую систему: ведь сама партийная система, т. е. совокупность партий данной страны, является составной частью системы политической. Ос-

новные институты и установления политической системы закреплены в конституции и законах страны. Смена или существенное изменение конституции означает смену или изменение политической системы, а следовательно, и условий функционирования партий и партийной системы.

Ближайшим окружением *партийно-политической системы* в чисто политическом смысле выступает уже система «общество — государство» или, если рассматривать ее в динамике, общественно-политический процесс, который политологи часто сводят к политическому процессу.

Более дальним окружением партийно-политической системы, тем не менее оказывающим на ее функционирование существенное влияние, выступают все значимые процессы, протекающие в государстве и гражданском обществе (экономический, социальный, культурный), а также состояния общества (мирное поступательное развитие, состояние войны, кризиса, экономической депрессии или бума, этнического мира или этнического, политического, экономического, социального и др. конфликтов).

Кроме того, политическая система даже без изменения конституции (трансформирующей саму суть системы) может функционировать в разных режимах, которые лишь варьируют ее возможности, порядок взаимодействия ее институтов и учреждений, давая простор тем ее элементам (или ограничивая эти элементы), которые и дают название режиму: демократический, авторитарный, либеральный, консервативный и др. Режимы функционирования политической системы задаются окружающей внутриполитической и социально-экономической средой (нормальное развитие, финансово-экономический или политический кризис, рецессия, связанные с ней безработица и забастовочное движение, снижение уровня жизни или протестные мероприятия оппозиции), складывающейся международной обстановкой (хорошая экономическая конъюнктура, мировой финансовый или экономический кризис, мировая война, локальные пограничные конфликты, движение большинства стран к демократии или приход сразу большого количества тоталитарных и авторитарных режимов и т. д.). Режимы функционирования, наконец, задает и конкретная власть, управляющая страной, которая может ограничить действие конституции (например, в отношении прав человека), применить в полном объеме самые жестокие законы или не ограничивать действие конституции, отменить законы, нарушающие права человека, или не применять статьи, содержащие жестокие наказания.

Демократическая политическая система может функционировать в демократическом, либерально-демократическом, социально-демократическом, консервативно-демократическом, демократическо-авторитарном, авторитарно-демократическом и иных режимах. Тоталитарная политическая система может функционировать в режимах «жесткого» и «мягкого» тоталитаризма, в тираническом, диктаторском, авторитарном и иных режимах. При этом не следует путать авторитарный режим тоталитарной и демократической политических систем. Они сходны только по названию (авторитарный), но различны по своей основе (первый воплощается в условиях тоталитаризма, второй — на базе демократии).

Каждый из режимов создает свои собственные условия функционирования партий и партийно-политической системы.

Таким образом, наша методология строится не только на комплексном историко-политологическом и социально-экономическом, но и на *партологическом подходе*, который означает, что во главу угла политической системы мы ставим систему партий, понимая политику через деятельность партий, через партийную борьбу. Анализируя деятельность любого политического института (Государственной Думы, Правительства РФ, премьер-министра и его окружения, президента и его администрации и т. д.), мы в первую очередь задаем вопрос: представители какой партии возглавляют тот или иной институт или имеют там преимущество и проводят свою программу?

Другими методологическими задачами исследования *партийной системы России*, по нашему мнению, должны стать: исследование условий и путей возникновения политических институтов и партий в России, роли и места партий в политической системе, партийной борьбы и коалиционной политики; анализ влияния на функционирование партийной системы избирательной формулы, влияния смены политических систем и режимов, революций, кризисов и иных политических потрясений на функционирование партийной системы; рассмотрение проблемы разнообразия типов и влияния партий, их роли и участия в партийно-политической системе.

Если подходить к методологии не с позиций практических результатов функционирования партий и партийной системы, а с позиций политической теории, то следует отметить связь нашей методологии с определенными концепциями и теориями, без применения которых исследование партий и партийно-политической системы не будет полным и завершенным. Здесь мы имеем дело с проблемой соотношения, точнее, перетекания теории в методологию, которое обусловлено признанием определенной теории большинством научного сообщества и постоянным ее использованием. Это всеобщее признание и регулярное применение и делают новую теорию методом исследования. Такие теории-методы существуют и в партологии. В частности, методология исследования партийной системы России, по нашему мнению, должна базироваться на следующих теориях и концепциях.

1. Концепция зарождения партий и партийно-политических систем как в ходе мирного, неконфликтного развития общества, так и, что более для нас важно, под непосредственным воздействием великих революций. Эта концепция была выдвинута Алексисом де Токвилем, который в начале XIX в. отметил: «Бывают времена, когда народы переживают такие глубокие потрясения, что приходят к мысли о необходимости коренных преобразований политического устройства общества. Бывают и такие периоды, когда недовольство существующими порядками охватывает все слои населения и общественное устройство терпит крах. Именно тогда происходят великие революции и рождаются великие партии... бывают эпохи, когда изменения в политической структуре и общественном устройстве происходят столь медленно и незаметно, что кажется, будто общество достигло предела в своем развитии; в такие периоды люди не заглядывают далеко в будущее, им представляется, что основы общества незыблемы. Наступает время интриг и малых партий. Партии, которые я называю великими, характеризует приверженность принципам в большей степени, не-

жели забота о том, к чему может привести следование этим принципам; теория, обобщения интересуют их больше, чем практика, частные случаи; их волнуют глобальные идеи, а не конкретные люди. По сравнению с другими партиями великие партии, как правило, демонстрируют более благородные устремления, более твердые убеждения, их действия более откровенны и решительны. В деятельности этих партий частные интересы, всегда играющие важнейшую роль в политической борьбе, искусно маскируются под общественные. Случается даже, что те, кто действует во имя этих частных интересов, сами не осознают этого. У малых партий, напротив, обычно не бывает политических убеждений. Ими не движут великие цели, и их отличительной чертой является эгоизм, открыто проявляющийся в любом их действии. За их пламенными речами скрывается расчет; они резко высказываются, но действуют робко и неуверенно. И цель, которую они ставят перед собой, и средства, которыми они пользуются для ее достижения, ничтожны. В итоге, когда на смену бурной революции приходит период спокойствия, создается впечатление, будто великие люди внезапно исчезают, а души человеческие замыкаются в себе. Великие партии потрясают общество, малые его будоражат; первые раздирают его на части, вторые его разворачивают; великие партии, потрясая общество, тем самым нередко его спасают, а малые без видимой пользы сеют смуту» (Токвиль, 1992, с. 144–145).

Великие партии, произведшие коренные перемены в общественном и политическом устройстве не только своей страны, но и всех стран, последовавших по пути реформ, породили такие великие революции, как Нидерландская (продолжалась 43 года с 1566 по 1609 г.), Английская (продолжалась 20 лет (1640–1660 гг.), а с учетом так называемой Славной революции (1688 г.) — 44 года), Американская (1775–1787 гг.), Французская революция, длившаяся с 1789 по 1794 г., а фактически по 1815 г. и даже далее — до окончательного установления республиканской политической системы), Китайская (с 1911 г. — по настоящее время), Великая русская революция.

2. Концепция Великой русской революции, длившейся, по нашему мнению, с 1905 по 1993 г., оказавшей непосредственное воздействие на зарождение и весь ход партийно-политических изменений в России XIX–XX вв. и продолжающей влиять на современный российский и мировой партийно-политический процесс.

Российская революция, рассмотренная, подобно всем великим революциям, как достаточно длительный историко-политический процесс, ничуть не менее изменила Россию и оказала не меньшее влияние на другие страны, чем Великие европейские революции и Американская революция. Российское общество, как и нидерландское, английское, американское, французское, поставило и добилось несколько значимых целей, испытало деятельность нескольких политических сил, пережило несколько политических систем:

- 1) система абсолютной монархии (январь 1905 г. — октябрь 1905 г.);
- 2) система думской монархии с многопартийной системой (октябрь 1905 г. — февраль 1917 г.);
- 3) политическая система демократической республики во главе с Временным правительством и многопартийной системой, функционировавшая с февраля по октябрь 1917 г.;

4) система диктатуры пролетариата, или «жесткого» тоталитаризма (октябрь 1917 г. — 1953 г.);

5) система «общенародного государства», или «мягкого» тоталитаризма (1953–1993 гг.);

6) демократическая политическая система Российской Федерации (с принятия Конституции 1993 г.).

Эти политические системы функционировали в разных режимах:

1) система абсолютной монархии — в авторитарном режиме;

2) система думской монархии с многопартийной системой — в авторитарно-демократическом режиме, в котором авторитаризма было существенно больше, чем демократии;

3) политическая система демократической республики во главе с Временным правительством и многопартийной системой — в следующих режимах:

— демократическом с февраля по август 1917 г.;

— авторитарном при правительстве Директории, созданном для подавления Корниловского мятежа в августе 1917 г.;

— демократическом с августа по октябрь 1917 г.;

4) система диктатуры пролетариата, или «жесткого» тоталитаризма, — в тоталитарном режиме, или режиме жесткого классового подавления;

5) система «общенародного государства», или «мягкого» тоталитаризма, — в авторитарно-демократическом режиме;

6) демократическая политическая система Российской Федерации — в демократическо-авторитарном режиме.

Кроме того, в зависимости от личных психологических качеств и политических пристрастий верховных правителей и их окружения политические системы испытывали влияние личных режимов власти:

1) система абсолютной монархии — режима власти Николая II;

2) система думской монархии — режима власти Николая II;

3) политическая система демократической республики во главе с Временным правительством — режимов власти Н. Е. Львова и А. Ф. Керенского;

4) система диктатуры пролетариата, или «жесткого» тоталитаризма, — режимов власти В. И. Ленина и И. В. Сталина;

5) система «общенародного государства», или «мягкого» тоталитаризма, — режимов власти Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, М. С. Горбачева и других менее значимых руководителей;

6) демократическая политическая система Российской Федерации — режимов власти Б. А. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева.

Великая русская революция продолжалась 76 лет и оказала огромное влияние на партийно-политическое развитие России (подробнее см.: Исаев, 2011, с. 238–242).

3. Концепция истории партийного генезиса, выдвинутая Иоганном Блюнчли² и переработанная нами (Исаев, 2007, с. 10–14, 203–249), согласно которой

² Иоганн Блюнчли на основании теории Теодора и Фридриха Ромеров еще во второй половине XIX в. выделил четыре эпохи развития партий (эпоха радикализма, эпоха либерализма,

партийная история подразделяется на периоды доминирования партий определенной идеологической направленности, а именно: либеральный, социалистический, тоталитарный и современный, плюралистический период. Исход партийной борьбы и получаемые партиями преимущества в каждом из этих периодов определяются так называемым восходящим, или доминирующим, типом партии. Восходящий к доминированию или доминирующий тип партии наиболее приспособлен к социально-политическим и экономическим условиям, сложившимся в данный период партийной истории. Именно поэтому он расширяет свое влияние, а партии других типов, видя его идеологические и организационные преимущества и наблюдая его победы в избирательных кампаниях, вступают с ним во взаимодействие, в избирательные, парламентские и правительственные коалиции, перенимают его идеологию (частично, отдельные идеи, ибо полное принятие другой идеологии означает идеологическое перерождение или идеологическую смерть партии), его организацию, его тактику (но не стратегию, которая означает реализацию перспективных, программных целей партии), его практику работы с избирателями

Периодизация истории партий по идеологическому критерию такова:

а) *либеральный период* (1830-е гг. — последняя треть XIX в.), когда восходящим к доминированию типом партийной идеологии становится либерализм. Главным противником либерального типа партий были партии консервативные. В этот период либеральные партии доминировали практически во всех ведущих странах. Во Франции, Великобритании, США, Пруссии, а затем и объединенной Германской империи либеральные партии не только приходили к власти, но и управляли своей страной по нескольку десятков лет, в Италии борьба за объединение страны, а в Испании все революции XIX в. шли под знаменем либерализма. Разумеется, либеральные партии делили власть с консервативными, на стороне которых почти всегда оказывались королевская камарилья и вся военно-полицейская мощь монархического государства. Поэтому либеральные партии, ставившее своей целью освобождение личности (а порой и национальное освобождение), боролись не только против консервативных партий, но и за реформу государственного устройства, за становление гражданского общества. Когда основные цели либеральных партий оказались достигнутыми, они постепенно, в процессе непрекращающейся партийной борьбы, которая часто объединяла бывших соперников — либералов и консерваторов, уступают места в парламентах и в общественном мнении социалистическим партиям;

б) *социалистический период* (последняя треть XIX в. — 1917 г.) наступает, когда восходящим типом партии становится социалистический. Социалистические партии боролись за доминирующий статус с либеральными и консервативными партиями. Именно тогда, в последней трети XIX в., противостояние либералов и консерваторов в условиях общей угрозы со стороны социалистов постепенно заменяется идеологическим сближением и политическим сотрудничеством. Появляются многочисленные либерально-консервативные и кон-

эпоха консерватизма и эпоха абсолютизма), в которых доминирует определенный тип партии, дающий название той или иной эпохе (подробнее об этом см.: Берлин, 1907, с. 41–57).

сервативно-либеральные партии. Социалистические партии главную цель своих усилий видели в преобразовании социальной сферы общества, в дополнении прав человека и гражданина социальными правами личности и ее общественными обязанностями. На место социальной разобщенности и индивидуальной ответственности общественного идеала либералов социалисты ставили социальную солидарность и справедливое распределение общественного продукта. Социалисты создали не только собственную идеологию, но и собственную партийную организацию. Социалистические партии в отличие от либеральных и консервативных имели достаточно сплоченные и хорошо дисциплинированные организации на местах, сформированные по территориальному принципу. Несколько местных или первичных организаций объединял партийный комитет. Центральный партийный комитет довольно жестко контролировал всю партию и определял ее деятельность. Новая идеология и новый тип партийной организации сыграли свою роль в смене доминирующего типа политической партии. Социалистические партии начали постепенно отвоевывать позиции в парламентах и других государственных структурах, в профсоюзах и других общественных организациях у либералов и консерваторов;

в) *тоталитарный период (1917–1991 гг.)*. Политическое наступление социалистов прервалось с появлением на политической арене коммунистической и других тоталитарных идеологий. Капиталистический мир в то время переживал политический и финансово-экономический кризис, связанный с победой коммунистической революции в России, политической и экономической дестабилизации в Германии и Австрии, мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг. Именно в то время широкое распространение получили радикально левый (коммунистический) и радикально правый (фашистский, национал-социалистический и право-популистский) типы политической партии, боровшиеся за свое «восхождение» со всеми вышеупомянутыми партиями и выдвинувшие новый вид идеологии, опирающейся на идеи преимущества стремящегося к господству класса или нации, всемогущества классового или национального государства, справедливо распределяющего произведенный продукт и контролирующего не только деятельность, но и образ мыслей личности. Эти партии сформировали новый тип партийной организации, заключавшейся в строгой централизации, жесткой, почти военной дисциплине и наличии рядом с обычной партийной структурой милицейской (т. е. почти военной) организации, всегда готовой к достижению целей партии путем насилия. Тоталитарные партии не столько боролись за места в парламенте, сколько готовились улучшить удобный момент революционного захвата власти. После революции в России (1917 г.) тоталитарные партии фашистского типа приходят к власти в Италии, Испании, Португалии, Германии, Венгрии, Хорватии, Румынии, Болгарии, популистские партии играют важную роль в общественной жизни стран Латинской Америки, а Национально-демократическая партия генерала Хусто, Национально-революционная партия во главе с Карденасом находятся у власти соответственно в Аргентине и Мексике. Следует отметить идеологическую и политическую разнородность тоталитарных партий. Фашистские и национал-социалистические организации превыше всего ставили интересы собственной нации и стреми-

лись к переделу мира с точки зрения своих узконациональных интересов. Главным политическим противником, препятствовавшим им реализовать свои цели, были колониальные империи, владевшие огромными ресурсами, а главным идеологическим противником — коммунистические партии. Политический закат тоталитарных партий начался с разгрома германского, итальянского, венгерского и др. фашизмов и запрета фашистских партий. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. пришла очередь коммунистических тоталитарных, строго централизованных партий, не выдержавших изменившихся условий и конкуренции со стороны других политических сил, не сумевших приспособиться к демократизации общественных отношений, выборности и реальной сменяемости партийного и политического руководства, не обеспечивших реального роста экономики и уровня жизни населения. Сегодня продолжают существовать и коммунистические, и профашистские, и популистские партии, но они не играют ведущей роли. Тоталитарный тип партии утратил «пассионарность» и находится ныне на нисходящей ветви своего филогенеза;

г) современный *плюралистический период* (с 1991 г.). В настоящее время отсутствует какой-либо определенный «восходящий» тип политической идеологии. Сегодня на равных конкурируют либеральный, консервативный и социалистический типы партий, занимающие центральную часть идеологического поля, его ядро. На периферийные позиции вытеснены партии радикальных идеологий, которые либо запрещены законом (например, фашистские), либо, потеряв сторонников в конкурентной борьбе, в одних странах сошли, в других сходят с политической арены.

4. Теория партийных расколов С. Липсета и С. Роккана, которые, исследуя процессы формирования национальных государств и перехода от феодальной к индустриальной эпохе, выделили четыре основных конфликта, точнее, раскола (*cleavage*), оказавших наибольшее влияние на становление определенных типов партий и партийных систем европейских стран в целом:

- конфликт между центром и периферией;
- конфликт между государством и церковью;
- конфликт между городом и селом;
- конфликт между собственниками и рабочими.

При этом разрешение конфликтов «центр против периферии» и «государство против церкви» исследователи связали с конфессиональными и национальными революциями, а преодоление конфликтов «город против села» и «собственники против рабочих» — с промышленной революцией.

Конфликт между центром и периферией — старейшее столкновение интересов центрального правительства и регионов, субъектов управления, зародившееся еще в феодальной эпохе. Этот конфликт формировал и до сих пор генерирует партии, отстаивающие региональные интересы в противовес интересам центрального правительства. Большинство «третьих» партий Великобритании являются региональными (уэльская националистическая партия «Плайд кимру», Шотландская национальная партия, североирландская сепаратистская партия «Шинн Фейн»), все сепаратистские партии Испании (баскские, галисийские, каталонские, арагонские, канарские), сепаратистская Квебекская партия Канады

являются современными производными этого конфликта. Этот конфликт определил раскол партийной системы Бельгии, разделив практически все партии страны на валлонские и фламандские организации. Еще более распространен феномен региональных партий в развивающихся странах. В России, дабы нивелировать действие этого конфликта, закон о партиях запрещает участие региональных партий в федеральных выборах.

Конфликт между государством и церковью также имел свои корни в феодализме и разрешался в эпохи Реформации и Контрреформации. В протестантских странах (Север и Северо-Запад Европы) он был разрешен через секуляризацию церкви и решительное отделение ее от государства. Здесь не зародились протестантские партии. В католических странах (юг Европы), а также в странах со смешанным католическим и протестантским населением (Нидерланды, Бельгия, Германия, Чехия), где церковь долго еще сохраняла свои позиции после введения всеобщего избирательного права, возникли религиозные партии, продолжающие и сегодня играть важную роль в партийных системах указанных стран. В других странах сложились партии, выступавшие с антирелигиозных позиций: радикальная партия во Франции, коммунистические партии.

Конфликт между городом и селом — первое противоречие промышленной революции, увеличившей различия между деревенским и индустриальным трудом и образом жизни. В английском парламенте он вызвал к политической жизни группировки виггов и тори, в испанских кортесах — фракции модерадос и экзальтадос, позднее — либералов и консерваторов, в законодательных собраниях скандинавских стран привел к формированию крестьянских партий. Этот конфликт, взятый несколько шире, как конфликт между третьим сословием и землевладельцами (крупными и мелкими), стал основным в эпоху борьбы либеральных и консервативных партий.

Конфликт между собственниками и рабочими — один из результатов промышленной революции, он выдвинулся на первое место в эпоху Индустриализма и генерировал многочисленные партии четвертого сословия — рабочего класса. Характер этих партий во многом зависел от позиции элиты, крупных собственников. Там, где элитарные партии не противодействовали введению всеобщего избирательного права, предоставлению рабочим социальных прав, рабочие партии были достаточно быстро интегрированы в партийные и политические системы; там, где предприниматели и политическая элита не допускали необходимых реформ, рабочие организации приобрели антисистемный характер и трансформировались в компартии.

Все эти конфликты действовали комплексно, образуя определенное своеобразие каждой страны. Чем более они накладывались друг на друга, тем более многопартийные системы они формировали. Все европейские партиомы формировались под действием сложного переплетения различных факторов. Если эти факторы становились особенно острыми, то даже тормозили становление партийных систем, как это происходило в развивающихся странах во второй половине XX в., когда многие страны Африки, Азии и Латинской Америки перешли к однопартийным режимам.

Но конфликты и вызванные ими разломы еще не генерировали непосредственно определенный тип партиомы. Чтобы понять, как они становятся факторами формирования партийных систем, отмечают Липсет и Роккан, «мы должны проанализировать выражения протеста и представления интересов в каждом обществе». А для этого следует: 1) знать традиции принятия решений в данном государстве: преобладают ли процедуры примирения или деспотические устремления центрального правительства; 2) иметь представление о каналах представительства: выражался конфликт через забастовки и демонстрации, через систему выборов или через открытое насилие; 3) знать о том, насколько трудно или легко новым движениям добиться представительства; 4) иметь представление о возможностях и ограничениях правления большинства, о том, какие партии его осуществляют.

Таким образом, конфликты, по Липсету и Роккану, становятся не только движущими силами формирования партийных систем, но и факторами, тормозящими и изменяющими вектор их воздействия на системы политические (Lipset, Rokkan, 1967, p. 1–64).

5. Теория поляризации партийных систем Дж. Сартори. Под поляризацией Сартори понимает центр силы и притяжения, находящийся внутри партийной системы, состоящий из одной или нескольких партий и играющий определяющую роль в партиоме. Для анализа партийной системы России особенно актуальны два типа систем, описанные Сартори: система ограниченного плюрализма и система крайнего (поляризованного) плюрализма

Чтобы показать, как влияет на партиому поляризация, Сартори описал восемь признаков системы крайнего плюрализма:

- 1) наличие антисистемных партий;
- 2) наличие двусторонней оппозиции, располагающейся по обе стороны от правительства — слева и справа; две оппозиции находятся в состоянии перманентного конфликта и взаимно исключают друг друга;
- 3) центральное положение одной или группы партий;
- 4) поляризация, т. е. сильное идеологическое размежевание между партиями системы;
- 5) преобладание центробежных тенденций в системе над центростремительными и, как следствие, ослабление центра;
- 6) «врожденный идеологический образ действия», который ведут партии системы;
- 7) наличие безответственных оппозиций, не имеющих возможности пройти в правительство и раздающих заведомо невыполнимые обещания;
- 8) невыполнимые обещания, которые раздают остальные партии.

Системы крайнего плюрализма характерны для нестабильных, переходных обществ. Сам факт образования такой системы говорит о нездоровом, кризисном состоянии социума, о необходимости принимать срочные меры. В системе ограниченного плюрализма идеологическое различие между партиями невелико, все различия сосредоточены около двух (максимум трех) полюсов, антисистемные партии и двусторонняя оппозиция отсутствуют, а следовательно, все партии ориентированы на участие в правительстве. Здесь центростремитель-

ные тенденции преобладают над центробежными. Наиболее эффективна и дееспособна система ограниченного плюрализма (Sartory, 1976, p. 122–179). Российская партия с точки зрения теории Сартори находится в промежуточном положении между крайним и ограниченным плюрализмом.

6. Концепция не только общественного и не только политического, а именно общественно-политического характера партий, которая утверждает, что партии имеют свое представительство и в обществе и в государственных органах власти, выполняют функцию связующего звена между государством и гражданским обществом, а следовательно, являются не периферийным, а *центральным актором* политического процесса (Исаев, 1998, с. 34–57; 2008, с. 101–117, 242–249).

7. Концепция связи темпов расширения избирательного корпуса и организационного развития политических партий. История партий знает три основных способа расширения избирательного корпуса:

1) постепенный эволюционный рост путем нескольких реформ избирательного права в течение многих десятилетий; классический пример — британские избирательные реформы, растянувшиеся на 270 лет (1679–1948), а также прусское избирательное право, послужившее образцом для России;

2) единоразовое революционное развитие путем перехода от избирательного права, охватывающего незначительную часть населения, к избирательному праву для всего мужского населения; такой переход был осуществлен в США (каждым штатом в отдельности, ибо так требует конституция) при президенте Эндрю Джеконе в 1830-х гг.;

3) попеременное хаотическое разрастание/сужение с тенденцией ко всеобщему избирательному праву; таким путем шла Франция, где сразу после Великой революции был принят закон о всеобщем избирательном праве (для мужчин), который затем был заменен цензовым избирательным правом, при этом избирательный ценз несколько раз пересматривался, пока в начале XX в. не были введены всеобщие выборы.

Организационное строение партий существенно зависит от размеров и, следовательно, от социального состава избирательного корпуса, ведь при существенном увеличении числа избирателей в их число входят миллионы и миллионы рядовых граждан. Это заставляет политические партии выдвигать на выборах более демократические платформы и более приемлемых для массового избирателя кандидатов. Излишне говорить, что в условиях быстрого расширения избирательного корпуса демократизация общества, партийной системы, государственных институтов идет ускоренными темпами. Все это оказывает существенное влияние на условия функционирования партий и всей партийно-политической системы. И наоборот, в условиях медленного и постепенного увеличения количества избирателей, возможности функционирования партийно-политической системы будут совсем иными (Исаев, 2007, с. 169–202).

Россия выбрала сложный собственный путь, до некоторой степени похожий на путь французский: с одной стороны, цензовое право, ограничивавшее избирательный корпус (избирательный закон 1906 г.), при этом ценз был даже увеличен в 1907 г., с другой — всеобщее избирательное право (даже для женщин)

при выборах в Учредительное собрание (1917 г.), с третьей — классовое избирательное право с выделением категории «лишенцев» по классовому признаку (в 1920–1930-х гг.) в советское время.

8. Теория организационного совершенствования партий, в соответствии с которой в истории партий были:

1) период партий — политических группировок (длившийся с незапамятных времен до XVII в., когда организация партий была минимальной и складывалась хаотично);

2) период партий — парламентских фракций (с XVII в., когда в английском парламенте появились первые фракции вигов и тори);

3) период современных политических партий (с 1830-х гг.), когда английские партии-фракции под действием избирательной реформы, существенно увеличившей электорат, начали «прорастать» в гражданское общество, создавать местные и региональные организации, центральные органы и превращаться в структурном смысле в современные политические партии.

Теория организационного совершенствования партий, выдвинутая М. Я. Острогорским, базируется на концепции связи темпов расширения избирательного корпуса и структурного развития политических партий. На примере изучения организационного строения британских и американских политических партий середины XIX в. в условиях существенного увеличения числа избирателей М. Я. Острогорский обнаружил процесс формирования низовых, местных партийных организаций, служивших сначала целям регистрации многочисленных новых незарегистрированных избирателей. Наряду с регистрацией новых избирателей партийные активисты вели партийную агитацию, увеличивая таким образом не только число своих избирателей, но и количество членов партии. Процессу образования многочисленных местных регистрационных обществ (а фактически местных организаций партий) соответствовал в центре процесс выделения особых партийных органов управления для координации работы местных организаций. Эти процессы вскоре были дополнены созданием региональных, городских, графских и др. партийных комитетов. К 1870-м гг. партийная структура ведущих британских партий приняла заверченный современный вид (Острогорский, 1997, с. 78–167).

9. Концепция четырехэтажности внутреннего строения современных партий и партийной системы в целом, в соответствии с которой первый этаж каждой партии составляют местные партийные организации, второй — региональные организации, третий — центральные органы партии, четвертый — парламентская фракция партии, министры и другие авторитетные члены партии, занимающие релевантные государственные должности. Все ведущие партии страны образуют партию, которая также имеет четырехэтажную конструкцию. Нетрудно заметить, что из этих четырех этажей партийной структуры три этажа принадлежат гражданскому обществу, а последний, четвертый — государственным институтам власти. Таким образом, партийная структура, да и партийная деятельность тоже (как в избирательных кампаниях, так и в период парламентской и правительственной деятельности партий) выступают связующим звеном, переходным мостом от гражданского общества к государству. Эта связь, осу-

существляемая партиями и партийной системой, в целом носит не односторонний, а двусторонний характер, т. е. направлена как от гражданского общества к государству, так и от государства к гражданскому обществу (Исаев, 2008, с. 241–242).

10. Концепция полевой структуры партийной системы, согласно которой партиоуму как совокупность партий и взаимоотношений сотрудничества и конфликтов между ними окружают партийные поля, образованные взаимодействием уже всех партий или партиоумы в целом с социальной структурой общества (социальное поле), с существующими в данном социуме идеологиями (идеологическое поле), с парламентской структурой (парламентское поле) и правительством и его структурами (правительственное поле) (Там же, с. 250–269).

11. Концепция связи партийной системы и избирательной формулы, предложенная М. Дюверже, согласно которой мажоритарная система выборов в один тур ведет к бипартизму, мажоритарное голосование в два тура и система пропорционального представительства приводят к многопартийности (Дюверже, 2000, с. 300).

В представленный перечень концепций и теорий вошли как зарубежные теоретические разработки, давно и успешно применяемые для исследования всех партийных систем, так и российские, применявшиеся только для анализа российской партиоумы. При создании зарубежных концепций и теорий их авторы не учитывали специфики российской политической системы и ее окружения. Поэтому, применяя зарубежные теоретические схемы для анализа российских партий и партийной системы, следует вводить определенные поправки, учитывающие специфику российского партийного генезиса, политической системы, политических отношений и всего политического процесса.

В заключение сформулируем методологические принципы исследования партий и партийной системы России, или, если угодно, основные положения нашей методологии.

1. Партийная система России прошла **большой исторический путь**: от зарождения первых партий (конец XIX — начало XX в.) до современной партиоумы; этот путь занял более ста лет, но имеет гораздо меньшую продолжительность, чем пути формирования партийных систем в Европе и Америке.

2. Российская партиоума испытала **две кардинальные трансформации**. Сначала — преобразование многопартийной системы с думскими партиями в однопартийную систему с единственной партией (ВКП(б) — КПСС), сросшейся с государством в своеобразную партийно-государственную систему, состоящую из двух компонентов и непосредственно управлявшую страной; третьим компонентом этой системы были руководимые партией общественные организации, которые также срослись с государством через особый слой управленцев-партийцев — номенклатуру. Затем, во время второй трансформации, или перестройки, произошло преобразование этой партийно-государственно-общественной машины в «нормальную» партийную систему. Разумеется, следы этих трансформаций, особенно второй, не может не нести в себе современная российская партиоума.

3. Таким образом, исследуя современную партийную систему России, следует иметь в виду, что исторически это уже **третья партиоума**; у нее есть две

исторические предшественницы, и процесс партийного генезиса в России, начавшись в конце XIX в., фактически не прерывался, но строился в разных партийно-политических системах на разных общественно-политических основаниях.

4. Российские **партии формировались в разных с точки зрения легальности условиях**. В период существования первой партийной системы возникали как совершенно нелегальные (Партия социалистов-революционеров, РСДРП, анархистские группы) и полулегальные, т.е. не прошедшие государственную регистрацию, но участвовавшие в выборах (например, кадеты), так и полностью легальные партии (Союз 17 октября, Конституционно-монархический союз, Партия правового порядка и др.). Полулегальные партии существовали и в СССР периода перестройки, когда Политбюро ЦК КПСС не давало разрешения на создание партий, но правоохранительные органы такому созданию не препятствовали. На Западе феномен нелегальных и полулегальных партий фактически отсутствовал, если не считать отдельных запретов.

5. Все три партийные системы России формировались и начинали свое функционирование в **революционное время**, явились результатом революционных преобразований. Первая партийная система возникла во время революции 1905–1907 гг., вторая — в 1917–1918 гг. (от октябрьского переворота до эсэровского мятежа и разгона партии левых эсэров, после чего партийная система стала состоять только из одной большевистской партии), третья — в 1991–1993 гг. (от бархатной революции августа 1991 г. до принятия Конституции РФ и проведения выборов на партийной основе). И революции, и коренные трансформации всей партийной и политической системы, конечно, не могли не сказаться на процессе партийного генезиса.

6. Структурные компоненты партийной системы России — российские партии прошли **периоды зарождения** (во время которого сформировался зародышевый тип партийной организации, существующий формально, имеющий минимальную общественную поддержку), **становления** (потенциальный тип партийной организации, фактически существующий, но еще не выполняющей таких важных функций, как участие в выборах) и **функционирования** (на этом этапе партии выполняют все присущие им функции, включая участие в выборах, думскую деятельность и формирование правительства). Некоторые «старые» и новобразующиеся партии и по сей день остаются на этапе развития зародышевых, или потенциальных, партий.

7. Согласно Конституции РФ **возможности думской деятельности российских партий ограничены**. Эти возможности в рамках политической системы существенно меньше, чем возможности партий, например, развитых стран. Победившая на выборах по партийным спискам российская партия вовсе не обязательно становится правящей партией, не обязательно формирует правительство и проводит в жизнь свою политическую программу, а порой лишь создает фракцию в Думе.

8. **Возможности российских партий на выборах также ограничены законом**. Им нельзя создавать избирательные объединения, блокироваться с другими партиями, вообще проводить коалиционную политику.

9. В целом **возможности оппозиционных партий** в России, касается ли это уличных собраний и шествий, избирательного процесса или думской деятельности, существенно ниже, чем возможности правящей партии, поэтому влияние партий на общество в России значительно ниже, чем, например, на Западе.

Литература

Берлин П. А. Политические партии на Западе: их доктрины, организация и деятельность. СПб., 1907. 168 с. (*Berlin P. A.* Political Parties on the West, their Doctrines, Organizations and Activities. Sankt-Petersburg, 1907. 168 p.).

Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2000. 300 с. (*Duverger M.* Political Parties. Moscow: Academical Project, 2000. 558 p.).

Исаев Б. А. Что означает и для чего нужна концепция «Великая русская революция»? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Том 7, № 4. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 238–242 (*Isaev B. A.* What Does the Conception «Great Russian Revolution» Mean and what is this Conception for? // POLITEX: Political Expertise. The Scientific Journal. 2011. Vol. 7. N 4. P. 232–248).

Исаев Б. А. Зарождение, становление и функционирование партийной системы современной России: дис. ... докт. социол. наук. СПб., 1998. 401 с. (*Isaev B. A.* Emergence, Formation and Functioning Party System of Modern Russia: Diss. Dr. sociology. Sanct-Petersburg, 1998. 401 p.).

Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем. М.: Аспект-Пресс, 2008. 368 с. (*Isaev B. A.* Parties and Party Systems Theory. Moscow: Aspect-Press, 2008. 367 p.).

Исаев Б. А. История партий. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2007. 251 с. (*Isaev B. A.* History of the Parties. Sankt-Petersburg: Balt. St. Tech. Univ., 2007. 251 p.).

Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 640 с. (*Ostrogorscy M. Ya.* Democracy and Political Parties. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 1997. 640 p.).

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с. (*Tocvill A. de.* Democracy in America. Moscow: Progress, 1992. 554 p.).

Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // Party Systems and Voter Alignments. New York: Free Press, 1967. 64 p.

Sartory G. Parties and Party Systems. Framework for Analysis. New York: Cambridge et al., 1976. 370 p.